

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 9

в шведский лагерь, не договорившись ни до чего определенного. А когда императорское войско вошло в город, бургомистр и сенат были рады, что не связали себя обязательствами со шведом, хотя и не могли понять, как это так вышло.

Вот что рассказала Роза. Апостолы и я поблагодарили ее и очень посмеялись над обоими посланцами, а Павел спросил:

– А что случилось с веселым гулякой Валтасаром Бездоннером? Так и остался управителем погреба?

Роза оглянулась и, усмехнувшись, показала на угол залы.

– Вот он, веселый бражник, в том углу сидит, как и двести лет тому назад.

Мне стало страшно, когда я поглядел туда: в углу сидел бледный, изнуренный человек, он плакал и рыдал, неустанно запивая свое горе рейнским вином, и это был не кто иной, как тот управитель погреба Валтасар, который явился сюда с кладбища, откуда его вызвонил Матфей.

– Так как же, старик, значит, раньше чем стать купорщиком, ты служил в стремянных у полковника Кунстштюкера и даже был то ли писарем, то ли секретарем посольства? – обратился к нему Иаков. – Какие же условия поставил тебе господин с краном в черепной коробке?

– Ох, сударь, – простонал Валтасар, тяжело вздыхая из самой глубины души, и стоны его звучали так жутко, словно ему вторила на фаготе смерть, смерть, которая пребудет во веки веков. – Ох, сударь, не требуйте, чтобы я рассказал.

– Говори, не таись! – закричали апостолы. – Чего хотел от тебя этот спиртоотсос, этот винный духоотвод? Чего он хотел от тебя?

– Моей души.

– Несчастный, – очень серьезно сказал Петр. – И что же он предлагал за твою несчастную душу?

– Вино, – пробормотал Валтасар еле внятно, и мне показалось, что в голосе его звучит безнадежность.

– Говори яснее, старик, как он обделал сделку с твоей душой?

Валтасар долго молчал, наконец он заговорил:

– Зачем расспрашивать, милостивые господа? Это страшно, а вам не понять, что значит потерять душу.

– Верно, – согласился Павел, – мы веселые духи, дремлем в вине и радуемся вечному, ничем не омраченному счастьем и благоденствию, вот потому-то на нас и не может напасть страх. Кто обладает властью над нами, кто может опечалить, напугать нас? Ну, так рассказывай!

– Но за столом сидит человек, он этого не вынесет, – сказал мертвец, – при нем я не решусь говорить.

– Смелей, смелей, – сказал я, дрожа от страха. – Я могу вынести определенную порцию ужасов, и, в конце концов, что тут такого? Просто вы оказались у черта в лапах.

– Сударь, прочитали бы вы лучше молитву, – пробормотал старик, – но раз вы этого хотите, так слушайте: с человеком, который в ту ночь сидел со мной тут, в этом самом подвале, приключилось злое дело. Он продал душу дьяволу, а выкупить ее мог только при одном условии: заменить другой душой. Он уже не раз имел на примете всяких людей, но им всегда удавалось от него улизнуть. Меня он держал крепче. Я вырос, как дикарь, неучем, а ведя военную жизнь, много размышлять не приходится. Когда едешь по полю битвы и луна освещает землю, а на ней лежат скошенные смертью друзья и враги, смотришь и думаешь: «Они умерли и уже не живут»; о душе я не очень-то помышлял, а о небе и преисподней и того меньше. Раз жизнь так коротка, то надо ею как следует насладиться, а вино и игра были моей страстью. Это заметил слуга преисподней и в ту ночь сказал мне: «Пожить лет двадцать – тридцать тут, в спиртном царстве, в винном раю и попить сколько душа хочет, вот это жизнь, так ведь, Валтасар?» – «Да, сударь, – ответил я, – но чем я могу заслужить такую жизнь?» – «Что, по-твоему, приятнее, – продолжал он, – жизнь в свое удовольствие здесь, на земле, или то, что будет потом, когда и знать-то уже не знаешь, живешь ты еще и пьешь ли вино?» Я поклялся страшной клятвой и сказал: «Мои бранные останки отправятся туда же, где лежат останки моих собутыльников. Мертвый ничего не чувствует и ни о чем не думает. Я знаю это по тем своим товарищам, которым пуля пробила череп, посему я предпочитаю жить и радоваться жизни». Он же сказал мне: «Ежели ты отречешься от того, что будет потом, то нет ничего легче сделать тебя управителем этого погреба, напиши только свое имя вот тут, в книжке, и поклянись крепкой клятвой». – «Что будет со мной потом, меня мало заботит, – сказал я. – Я согласен стать управителем здешнего погребка навсегда и навечно, на все время, пока я живу, а там, когда меня закопают, пусть дьявол или любой, кто захочет, возьмет все то, что от меня останется».

Когда я произнес эти слова, мы оказались уже не вдвоем: рядом со мной сидел третий, он протягивал книжку, в которой я должен был поставить свою подпись. Но это был не ювелир, а кто-то другой.

– Кто же это был? Говори! – в нетерпении торопили апостолы.

Глаза старого управителя страшно сверкнули, а бледные губы задрожали. Он несколько раз пытался заговорить, но, казалось, судорога сжимает ему горло. Потом он вдруг решительно и смело посмотрел в темный угол, осушил свой бокал и бросил его об пол.

– Раскаяние ничему не поможет, старик Валтасар, – сказал он, смахивая с ресниц крупные слезы, – рядом со мной сидел дьявол.

При этих словах всех охватила жуть, безнадежная жуть. Апостолы глядели серьезно, молчали, уставившись в свои бокалы, Бахус закрыл лицо руками, а Роза побледнела и притихла. Казалось, все затаили дыхание, слышно было только, как тревожно стучат зубы в черепе мертвеца.

– Когда я был еще маленьким, послушным мальчиком, отец научил меня писать мою фамилию и имя. Я поставил свою подпись в книжке, которую держал в когтях дьявол. С той поры я зажил на славу, во всем Бремене не было человека веселее Валтасара, управителя винным погребом. Я пил все самые лучшие, самые превосходные, вкусные вина, что были тут. В церковь я не ходил, а когда начинался благовест, я шел к самой лучшей бочке и пил сколько захочу. Когда я состарился, на меня стал нападать страх, а когда я думал о смерти, по спине пробегал холодок. Жены, которая плакала бы обо мне, у меня не было, детей, которые утешили бы меня, тоже не было; поэтому, когда меня одолевали думы о смерти, я пил до потери сознания и засыпал. Так я и жил долгие годы, волосы у меня поседели, ноги и руки ослабли. Я жаждал успокоиться в могиле. И вот как-то я проснулся и в то же время чувствовал, что никак не могу проснуться по-настоящему: глаза не желали открываться; когда я хотел встать с постели, пальцы не гнулись, а ноги лежали неподвижно, будто не ноги, а чурбаны. К моей кровати подошли люди, пощупали меня и сказали: «Старик Валтасар умер».

Умер, подумал я и испугался: умер и не сплю? Умер и думаю? Меня охватил несказанный страх, я чувствовал, что сердце остановилось, и все же что-то во мне шевелится и сжимается, не тело – тело лежит неподвижное, мертвое; так что же это такое? И мне стало страшно-страшно.

– Твоя душа! – невнятно произнес Петр.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Твоя душа! – прошептали вслед за ним и другие.

– Потом с меня сняли мерку, длину и ширину, чтобы сколотить шесть досок, и положили меня в этот ящик, а под голову подсунули твердую, набитую стружками подушку и заколотили гроб, а душа моя устрашалась все больше и больше, потому что не могла уснуть. Потом я услышал похоронный звон соборного колокола, меня подняли и понесли, и никто не пролил ни слезинки. Меня отнесли на кладбище при церкви Божьей матери, там вырыли могилу; я и по сей день еще слышу, как терлись веревки, когда их тащили вверх из могилы, а я уже лежал внизу, потом в могилу набросали земли и камней, и наступила тишина.

[Назад](#) << [1](#) ... [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) 9 [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)